

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ ПРИРОДЫ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СНА И СНОВИДЕНИЙ НА ЗАРЕ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ

Данная статья посвящена осмыслению проблемы сна и сновидений как историко-культурного феномена. Автор анализирует специфику понимания природы и функционирования сна и сновидений в контексте первобытного и древнегреческого культурных типов.

Феномен сна, на протяжении веков интересовавший людей, по сей день является одной из самых интересных загадок человеческого бытия. Сегодня исследования сна и сновидений носят междисциплинарный характер. К ним обращаются такие дисциплины, как сомнология, физиология, психология, нейропсихология и многие другие. Однако исследование этих феноменов было бы не полным без обращения к истории их осмысления. Отношение к сну и сновидениям в ту или иную эпоху, на наш взгляд, является одной из важных сторон понимания человеком реальности. Без изучения этого загадочного феномена, на который в среднем тратится около трети человеческой жизни, невозможно целостное понимание человека. Таким образом, сон является не просто проблемой естественных наук, но и проблемой философской антропологии и истории культуры.

Общественность XX века в связи с развитием психоанализа обращает пристальное внимание на бессознательные феномены и структуры. В XXI веке этот интерес не угасает, а психоанализ, в свою очередь, разрастается на множество новых актуальных во всём мире направлений. На наш взгляд, это напрямую связано с ситуацией постмодерна. По оценкам многих исследователей, эпоху постмодерна характеризует неомифология и обращение к архаическим мотивам, которые, как и тысячелетия назад, снова наделяются магическими чертами. Также можно сказать, что это напрямую касается и интереса к феномену сновидений. По мнению исследователя Л. Гоца, характерной чертой презентации сновидения в современной культуре является его прогрессивное усложнение, которое характерно для разных сегментов культуры.[6; С.300] В связи с этими тенденциями возникает много вопросов о феномене сна. Является ли возрастающее внимание к феноменам сна и сновидений одним из симулякров культуры постмодерна или же оно представляет собой попытку человечества найти духовную подпитку в архетипических константах человеческого бытия? Есть ли за сновидениями какая-либо доля реальности, и если есть, то в чём она состоит? В чём отличие современного интереса к сновидениям от интереса людей древности? На наш взгляд, ответить на вопрос о сущности какого-либо феномена можно только обратившись к его истокам. В случае феномена сна это возможно,

попытавшись понять отношение к этому явлению в первобытной и античной культуре, к рассмотрению чего мы и перейдём ниже.

Под первобытной культурой мы, вслед за выдающимся этнографом и культурологом Э.Тайлором, будем понимать не только культуры, которые существовали во время становления биологического вида «человек разумный», но и те культуры, которые просуществовали вплоть до Новейшего времени, сохранив нетронутым первобытный образ жизни. Не имея доступа к духовному миру первобытной культуры как исторического этапа, мы в данной статье будем обращаться к культуре так называемых примитивных народов позднего времени. Оговоримся однако, что многие учёные пользовались аналогией их исследования для реконструкции духовного мира древних людей. Итак, обращаясь к первобытной культуре, нужно отметить, что её синкретизм и мифологический характер не могли не наложить свой отпечаток на восприятие человеком сна. Исследователь первобытной культуры Э.Тайлор пишет: «Даже бодрствующий и вполне здоровый дикарь не обладает способностью различать субъективное и объективное, воображаемое и действительное ... Видя ... вокруг себя призраки человеческих форм, он не может не верить своим органам чувств». [13; С.222] Это высказывание непосредственно относится и к первобытному восприятию сна. Первобытный человек верит как в реальность во всё, что воспринимает. Он считает, что во время сна душа выходит из тела, а сновидение – это то, что в действительности происходит с душой во время этого путешествия. Так, Дж. Фрезер приводит пример про одного слабого здоровьем индейца из племени макуши, которому приснилось, будто хозяин заставил его волоком поднимать каноэ через каскад крутых водопадов. Следующим утром индеец упрекал хозяина в бессердечии к бедному больному, которому пришлось всю ночь работать. [См. 14; С.136]

Часто повторяющимся мотивом отношения к феномену сна в первобытной культуре является сравнение сна со смертью. Если сон – это временная потеря души, то смерть – необратимая её утрата. В связи с этим существовал запрет резко будить спящего или переворачивать его тело, так как это связано с опасностью, что при внезапном пробуждении душа может не успеть вернуться в тело из своего путешествия и тогда человек заболит или умрёт. Заметим, что такая аналогия характерна и для христианского сознания. Согласно этой аналогии, смерть подобна сну, после которого человеческие души пробудятся для вечной жизни. Связь сна у многих «примитивных» народов с опасностью прослеживается ещё в одном проявлении. Некоторые народы считали, что во сне душа посещает умерших или, наоборот, умершие посещают спящих. Сновидения – время, когда колдуны могут навредить душе. Во сне душа встречается с миром призраков, которые могут пугать.

Э.Тайлор относил первобытные учения о снах к религиозным феноменам. Сны рассматривались древними как сверхъестественные явления, а их толкования – как искусство извлекать из них информацию пророческого характера. Сложным вопросом является толкование

сновидений. Видимо, подобные толкования изначально имели социокультурный характер. При этом принципы толкования символики снов многих народов уже забыты. Например, Э.Тайлор приводит сложную логику мусульманского толкования сновидческого образа яйца как относящегося к женщинам, потому что женщины, по изречению Мухаммеда, уподобляются яйцу, укрытому в гнезде. Этот пример показывает, что правила снотолкования могут строиться на отдаленных ассоциациях, выяснение которых невозможно, если только случайно не сохранился ключ к ним. Как предполагает исследователь, многие из толкований снов построены не более чем на совпадениях. В современном мире остались известными принципы прямого и обратного толкования. Обратное толкование основано на том, что увиденное сновидение в реальности обретает противоположный смысл (например, у многих народов увидеть во сне смерть – к счастью и долголетию). [См. 13; С.98]

Важнейшим аспектом культурного значения сновидений является вера древних людей в то, что сновидения могут посылаться из потустороннего мира богами или другими сущностями. Особый интерес в этой связи представляет феномен оракула. По словам исследователя древнегреческой культуры Э.Доддса можно заключить, что, возможно, самый первый оракул Земли в Дельфах был прорицалищем сновидений. Инкубация (практика особого входа в состояние сна) практиковалась в святынях героев - либо умерших людей, либо хтонических демонов — и у некоторых расщелин, считавшихся входом в мир иной. [См. 8; С.166]

О религиозном отношении к сновидениям у древних в том числе свидетельствует такой феномен, как пост, практикуемый с целью «сделать свою душу более лёгкой» и получить определённое сновидение важное для целого народа. Примером практики подобного обряда и является древнегреческий оракул.

Упомянув о древнегреческом оракуле, интересно проследить мифологическую легенду об истории его развития, которая несколько по-разному приводится древнегреческими поэтами Гомером, Еврипидом и Эсхилом. Согласно Еврипиду, первоначально оракулом ведала дочь Геи Фемиды. Со временем эту роль отвоёвывает Аполлон. Между Аполлоном и Геей разворачивается борьба за оракул. В более поздний период Аполлон побеждает [См. 9; С. 31-39], что знаменует важную перемену в греческой культуре. Суть произошедшей перемены в том, что если первоначально Гея и Фемиды посылали пророчества через сновидения прямо, то Аполлон посылает предсказания в зашифрованном виде, через своих жриц пифий, то есть зримые пророчества сменяются словесными. Как отмечает исследователь А.И. Протопопова, смена Геи Аполлоном - это символическая замена архаики классикой. Опосредованность, отложенность действия, иносказание, - это знак победы Логоса, классической рациональности, традиции мудрости-разгадывания, то есть по сути интерпретации. [См.12; С.172-175]

Другой аспект священного характера сна в мифологии Древней Греции проявляется в исцеляющей функции сновидений. Наряду с пророческой инкубацией там практиковалась так называемая медицинская инкубация. Как пишет исследователь Э.Р. Доддс, медицинская инкубация пережила период блестящего расцвета, когда в конце V в. культ бога медицины Асклепия (Эскулапа) приобрел общеэллинское значение, и это положение сохранилось у него вплоть до позднейших языческих времен. [См. 8; С.168] Тема медицинской инкубации получила широкое обсуждение, начиная с публикации с 1883 г. храмовых записей древнегреческого центра целительства - города Эпидавра. Мы оставим широко обсуждаемый вопрос о подлинности записей, так как они в любом случае для нас будут выступать проявлением древнегреческого мифотворчества. Далее мы будем приводить «Записи» по работе Доддса.

Как свидетельствуют «Записи», в Эпидавре активно практиковалось лечение через «священный сон», в котором, по верованиям, к пациенту приходил бог Асклепий. Причём сам бог решал, придти ли к этому пациенту. Приходя к человеку, находящемуся в состоянии сна или транса, бог мог проявлять себя по-разному: в виде образа, через «глас бога» или в символической форме. Например, в «Записях» Эпидавра приводится история о некоем человеке, заснувшем днем за пределами храма. К нему подползла храмовая ручная змея и лизнула за больную ногу; он пробудился «исцеленным» и сказал, что видел во сне прекрасного юношу, наложившего повязку на его ногу. Те, кому во время ночного посещения оказал благосклонность бог, рассказывали утром о своих переживаниях. Каждый слух исцеления, приносивший новую надежду страждущим, был подхвачен и широко распространен в обществе. В частности, к таким историям относятся длинные рассказы о хирургических операциях, проводившихся богом над спящими пациентами. Кроме хирургической операции пациент Асклепия мог получать во сне медицинские предписания. В нескольких примерах они вполне рациональны, хотя и не столь уж оригинальны, например, когда божественная мудрость рекомендует полоскание для больного горла и овощи от запоров. Чаще всего божественная фармакопея чисто магическая: бог заставляет своих пациентов глотать змеиный яд или золу со священного костра или мазать глаза кровью белого петуха. Общая характеристика рецептов такого типа — трудность в исполнении: они могут включать в себя рвотные средства, купание в реке зимой, пробежку босиком в мороз, умышленное кораблекрушение, а также обязательство отсечь в виде жертвы один из пальцев. [См.8; С.168]

Интересно, что во многих случаях после исполнения подобных предписаний человек получал исцеление своего недуга. Мы не берёмся судить о причинах такого исцеления. Конечно же, очень важную роль в таких случаях играло самовнушение. Однако отметим, что и сегодня во многих видах психотерапии практикуется лечение соматических и психосоматических болезней через обращение к процессам бессознательной психики. А поскольку сегодня, точно так же, как и тысячелетия назад, именно

сновидения являются самым ярким проявлением бессознательных процессов в жизни человека, то можно сказать, что в определённой мере древнегреческий метод актуален до сих пор.

Связь сновидений с миром потусторонним (божественным и хтоническим) подтверждает и древнегреческий эпос Гомера и Гесиода. Гесиод писал, что сон и сновидения, как и смерть - дети Ночи, породившей также Разрушение, Мрак, Таната, Керр. Сон наряду со смертью обретает устрашающий характер: «Сон со Смертью – ужасные боги». [4; С.759] По Гесиоду, Сон обитает там, где День сходится с Ночью, а, согласно Гомеру, Сновидения находятся непосредственно перед лугом, где летают души умерших. [См. 5; С.261]

В «Одиссее» Гомера сон чаще всего предстаёт как благое послание богов. [См. 5; С. 80, 143, 144] Интересно, что уже в этом произведении есть пример аллегорического отношения к сновидению. Это сновидение, которое видит Пенелопа: прилетает орел и заклеывает гусей - это предвосхищение расправы Одиссея над женихами. Здесь же Пенелопа сомневается в прямом толковании сна и рассуждает о лживых («тёмных») и правдивых сновидениях, которые онтологически приходят в человеческий мир из разных областей: из «роговых ворот» и «ворот из слоновой кости». Из «роговых ворот» приходят правдивые сны, которые сбываются. Из «ворот из слоновой кости» приходят лживые сны, которые неверны и несбыточны. [См. 5; С.227-228] Таким образом, уже начиная с Гомера прослеживается идея о том, что сновидения могут сообщать как истинную, так и ложную информацию, и человек не знает наперёд, с каким вариантом имеет дело. Такой подход получит максимальное проявление в средневековой культуре, когда сновидения будут поделены на две основные сферы: «от Бога» и «от нечистой силы».

В «Илиаде» Гомера прослеживается образное (и категориальное) различие процессов сна и сновидения. В подавляющем большинстве случаев у Гомера речь идет о сне как физиологическом состоянии - о гипносе. Это же слово в «Илиаде» употребляется как имя мифологической персонификации Сна – Гипнос. Когда речь идет о сновидениях, употребляется слово онейрос. Онейрос также предстаёт как мифологически персонифицированная форма сновидения, которая носит имя Онейрос.

Сон-гипнос дает отдых, успокаивает, услаждает, позволяет забыть заботы, смягчает печали. Он временно «выключает» из жизни, в силу чего сном можно воспользоваться, чтобы «овладеть» персонажем или сделать что-либо в его отсутствие. Сон как мифологическая фигура – Гипнос – повелевает и богами, и людьми; он может усыпить самого Зевса. Гипнос – брат Танатоса и вместе с ним переносит тела погибших; во время сна спящим могут являться души умерших. Говоря коротко, гипнос – это отдых, наслаждение, забвение, «отсутствие», бессознательность, «обратная сторона Смерти». Могущество Гипноса связано с тем, что он – вместе со своим «близнецом» Танатосом – сын Ночи, одной из древнейших богинь, близкой первородному Хаосу.

Онейрос - собственно Сновидение (по-гречески) - наиболее интересный персонаж, которому Зевс дает указания, в кого превратиться и кому с какой целью привидеться. Но возникает вопрос о том, зачем он вообще нужен, если боги и сами способны являться в виде сновидения? Действительно, боги пользуются своей способностью к превращениям очень часто, и тем не менее метаморфозы не главное их занятие, боги всегда возвращаются в собственный вид, связанный с их функцией в Космосе. Даже причудливый хитроумный морской бог-пророк Протей, принимающий разные виды, чтобы избежать требования желающих получить пророчества, в котором можно увидеть некоторый аналог Онейроса в пределах яви, имеет собственный вид, в который возвращается после череды превращений. [См. 5; С.44-45] Онейрос же у Гомера не описывается никак - это чистая функция метаморфозы, не имеющий образа носитель образов или их материя, из которой боги лепят, что хотят в целях определенного воздействия на людей и события. Получается, что Онейрос - только носитель чужих обликов, отделенная от остальных богов и персонифицированная способность к метаморфозам, своего рода парадоксальная субстанция превращений.

Эта странная субстанция оформлена в виде бесплотного существа-призрака, который, однако, зрим воочию. Подобная зримость во сне и есть, по мнению исследователя образного мира Древней Греции А.И. Протопоповой, главный камень преткновения в вопросе о лживости или истинности сновидений и, одновременно, в вопросе о превосходстве зрения над остальными ощущениями. Зрение - лучшее, по мнению греков, из пяти чувств - во сне как бы дискредитирует себя, поскольку может оказаться причиной обмана. Образы во сне могут точно воспроизводить правду, но могут и лишь имитировать ее. Именно принципиальная способность зримого образа непосредственно «показывать» какое-либо явление открывает дорогу оборотничеству, когда то, что видится - это либо оболочка чего-то иного (например, боги в каких-то обликах или созданные ими призраки), либо лишь кажимость, призрак, пустая форма без сути (средоточие этого у Гомера - Онейрос, умеющий принимать любой облик, но не имеющий собственного). А поскольку к очевидному относятся обычно как к наиболее достоверному («видел своими глазами»), то обман облегчается этой доверчивостью видящего. [12; С.176] На наш взгляд, персонаж Онейроса – это максимальное выражение загадочности феномена сновидений.

Безусловно, анализ того или иного феномена в культуре не может ограничиться только его проявлением в мифологии, эпосе и религии. Важнейшим показателем рациональной культуры является знание, а именно наука и философия. Это, в частности, касается и осмысления процессов сна и сновидений. Анализируя философскую традицию осмысления этого феномена, можно выделить в ней два основных направления, которые мы условно определим как религиозно-мистическое и научно-скептическое.

У истоков религиозно-мистического направления стоит философия пифагорейской школы. В общем можно констатировать, что их представления о сне ещё не отличаются от мифологической позиции. Древняя философская

традиция, восходящая к Пифагору, тесно связывает сновидение и душу. Сон приходит ночью, когда душа свободна от тела, и значение сна зависит от чистоты этой души. По изложению Диогена Лаэртского, Пифагор считал, что «сны и знамения недугов и болезней» посылают души, которыми «полон весь воздух» и которые называются демонами и героями. При этом сны посылаются не только людям, но и животным. [7; С.340]

К этому же направлению можно отнести и сократовско-платоновскую линию философии, в которой сохраняется вера в пророческий характер снов. Широко известной историей является предзнаменование, которое по легенде получил Сократ, когда накануне первой встречи с Платоном ему приснилось, будто он держал на коленях лебеденка, а тот вдруг покрылся перьями и взлетел с дивным криком: а на следующий день он встретил Платона и сказал, что это и есть его лебедь. [7; С.151]

Отличительные моменты отношения Платона к феномену сновидений приведены в его диалоге «Тимей», в котором отражены, по крайней мере, три важных мысли по интересующей нас теме. Во-первых, здесь Платон приводит попытку оптико-физиологического объяснения процессов сновидений. Согласно античному автору, сон есть результат рассеивания запертой внутри тела силы огня; рассеивание происходит из-за того, что человек, имеющий огненную природу зрения, при закрытых глазах запирает «внутри себя силу огня». По Платону, если покой спящего достаточно глубок, то сон почти не нарушается грезами, но если внутри остались еще сильные движения огня, то они сообразно своей природе и месту порождают соответствующие по свойствам и числу изображения, отражающиеся внутри человека и вспоминающиеся им после пробуждения как совершившееся вне него. [10; С.428] Во-вторых, в этом диалоге мы находим физиологическую попытку объяснения пророческих снов. Согласно автору «Тимея», богами устроено так, что природа сновидений связана с функционированием печени человека, а характер оных, в свою очередь, зависит от добродетели спящего и от той части души, которая в нём преобладает. Важно, чтобы примыкающая к печени часть души была спокойной и просветлённой разумной частью души, поскольку только в таком случае задействуется относящееся к печени свойство сладости, что вызывает пророческие сновидения. В противном случае человек во сне испытывает страх и прочие неприятные чувства, которым физиологически соответствует проявление горькой части печени и приток желчи, что «заставляет печень всю сморщиться и отвердеть». [10; С.457-458] В-третьих, в «Тимее» даётся аналогия жизни в мире вещей со сновидением, в котором мы видим только призраки истинного бытия «мира идей». [10; С.435] В платоновском диалоге «Тэатет» приводится подобная древневосточному учению о майе идея о сложности дифференциации состояний сна и бодрствования. В этом произведении, аргументируя сложность всяких утверждений, Сократ приводит такую мысль: «...спорно уже то, сон ли это или явь, а поскольку мы спим и бодрствуем равное время, в нашей душе всегда происходит борьба: мнения каждого из двух состояний одинаково притязают на истинность, так что в течение равного времени мы

называем существующим то одно, то - другое и упорствуем в обоих случаях одинаково». [11; С.211]

Если у Платона мы видели одну из первых в истории человеческой мысли попыток связать сон с физиологией, то его ученик Аристотель гораздо больше продвинулся в этой области. О важности феномена сна для интеллектуальной культуры Древней Греции свидетельствует тот факт, что наиболее энциклопедически мыслящий её представитель – Аристотель - оставил отдельные трактаты по данной тематике. Главными из них являются небольшие по объёму произведения «О сне и бодрствовании», «О сновидениях», «О предсказаниях во сне». Стагирит является ярким представителем научно-скептического отношения к процессам сна и сновидений.

В трактате «О душе» Аристотель следующим образом отличает такие состояния души, как бодрствование и сон: «...бодрствование сходно с деятельностью созерцания, сон же – с обладанием, но без действия. У одного и того же человека знание по своему происхождению предшествует деятельности созерцания» [2; С.36]. Пояснение этой мысли мы находим в трактате «О возникновении животных», где Стагирит рассматривает сон как состояние животного, промежуточного между не-жизнью и жизнью. [1; С.123] Аристотель полностью отказался от идеи о том, что сновидения отражают реальность каких-либо ощущений или мнений. Он рассматривает сновидения как результат воображения, фантазийной трансформации ощущений, получаемых от органов тела. Чувственный характер сновидений связан с тем, что воздействия, которые вещи оказывают на наши органы, зачастую не проходят после действительного процесса взаимодействия. Иногда мы продолжаем воспринимать предметы, когда они уже отсутствуют. Это связано с тем, что после воздействия предмета в органах чувств остаются движения незаметные нам при бодрствовании, но обнаруживаемые в состоянии ночной пассивности. Ночью, вследствие бездействия некоторых органов чувств или их неспособности проявить себя, тепло перетекает из внешних во внутренние части тела, и эти движения передаются главным началам чувственного восприятия, и там являют себя посредством возмущения успокоенного движения. [3; С.55-63]

Итак, Аристотель лишает сон религиозно-магического статуса и критикует сторонников мнения о пророческом характере сновидений. Предложенное античным гением сведение практически всех случаев сновидений к физиологии и психологии человека не утратило актуальности в современной науке. Подход Аристотеля к данной теме, на наш взгляд, знаменует собой окончательный переход древнегреческого сознания от мифа к Логосу, который на долгие века определил отношение к бессознательным процессам как к продуктам физиологии, не представляющим особого значения.

Произведённое выше краткое исследование мифологических вариантов понимания сна и сновидений в сознании «примитивного» человека разных культур позволяет выявить между ними некоторые черты сходства. Прежде

всего, общей для многих народов является связь сна с божественным и потусторонним миром, вера в пророческую функцию сновидений. Специфическим мотивом древнегреческой культуры является дифференциация и сложная образная категоризация процессов сна и сновидения. Используя лингвистическую гипотезу Сэпира-Уорфа о связи языка и культуры, согласно которой наличие в языке данного народа большого количества терминов, относящихся к определённому предмету, событию или явлению, означает высокую ценность этого в данной культуре, а отсутствие в языке народа терминов, относящихся к чему-либо, значит, что этого для представителей данного народа просто не существует, можно сказать, что феномены сна и сновидений были значимы для древних греков. Это, на наш взгляд, в очередной раз свидетельствует о достаточно высоком развитии рефлексии и внутреннего мира в древнегреческом мире. Другая специфическая проблема, которая появляется в рационалистической культуре Древней Греции – это проблема интерпретации сновидений, которая также связана с онтологической и категориально-образной дифференциацией сновидений, полученных из разных источников («роговых ворот» и «ворот из слоновой кости»). Такое деление сновидений заставляет задумываться об их характере. Сновидения, полученные из «роговых ворот», «от бога», «возле храма», с использованием специальных церемоний и т.д. являются истинными, добрыми, исцеляющими. Сны, посланные через «ворота из слоновой кости» несут в себе обман, заботу и беду. Ключевым воплощением неоднозначности отношения к сновидениям является Онейрос, который посылается богами, но с целью обмана. Как пишет исследователь Э.Р. Доддс, отношение к снам – это выражение культурного стереотипа. По его мнению, мотив «священного сна» не является только литературным. Он принадлежит к религиозному опыту всего народа, хотя поэты, начиная с Гомера, приспособляли этот опыт для своих целей. [8; С.163] Такие сновидения играли важную роль в жизни других древних народов. И они, будучи одним из проявлений религиозного чувства, так или иначе значимы и для многих народов наших дней.

Осуществлённый анализ идей древнегреческих философов по проблемам исследуемой нами темы показал, что эволюция отношения к сну и сновидениям одновременно представляет собой эволюцию человеческого сознания и мышления, а также представлений об изменении культурных ценностей. Мы увидели, что отношение к сновидениям претерпело переход от мистического их понимания к физиологической и психологической их трактовке. В древнегреческой философии начальное состояние такого перехода было связано с пифагорейской идеей о связи сновидений с дуалистическим восприятием отделяющейся ночью души и всегда остающегося в материальном мире тела. Промежуточное состояние этой эволюции видно на примере философии Платона, который, с одной стороны, утверждал, что сновидения происходят из мира идей, но «чистота» их восприятия связана с уровнем развития души и сопровождается физиологическими процессами функционированием печени. Аристотель

полностью переводит тему сна и сновидений в научную плоскость, окончательно оформив переход к рационализму в западной культуре. Его понимание бессознательных процессов на долгое время стали парадигмой классической философии.

Однако начиная с постклассического периода, философия и наука на новом качественном уровне возвращает внимание к иррациональным процессам человеческого существования, и это внимание усиливается в эпоху постмодерна. Думаю, предварительно отвечая на поставленный в начале данной статьи вопрос, всё-таки можно сказать, что это внимание не является просто обращением к симулякрам. Оно есть, во-первых, психологическая попытка восполнить односторонность западного рационалистического мировосприятия, во-вторых, попытка найти духовную подпитку за пределами религии, и, в-третьих, оно есть следствие дифференциации и интеграции наук, проявление нового качественного этапа развития современного познания.

Список цитируемой литературы:

1. *Аристотель*. О возникновении животных [Текст] - М.: Издательство Академии наук СССР, 1940.
2. *Аристотель*. О душе [Текст] - М., 1937.
3. *Аристотель*. О сновидениях [Текст] / АKADEMIА. Материалы исследования по истории платонизма. Выпуск 6. Сб. статей. Спб.: Изд-во С.-Петербург. Ун-та, 2005.
4. *Гесиод*. Теогония. Перевод В.В.Вересаева [Текст] / «Эллинские поэты». Серия «Библиотека античной литературы», 1963
5. *Гомер*. Одиссея [Текст] - М.: Наука, 2000.
6. *Гоц, Л.С.* Рынок сновидений в культуре постмодерна [Текст] / Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 5. РГГУ. - М., 2008.
7. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов [Текст] – М.: Мысль, 1969.
8. *Доддс, Э.Р.* Греки и иррациональное [Текст] - СПб., 2000.
9. *Еврипид*. Трагедии. В 2 томах. [Текст] Т. 1. Перевод И. Анненского "Литературные памятники", М., Наука, Ладомир, 1999
10. *Платон*. Тимей [Текст] / Платон Избранные диалоги, М. PHILOSOPHY 2006.
11. *Платон*. Тэатет [Текст] / Платон Собрание сочинений в 4т.: Т 2, М.: Мысль 1993
12. *Протопопова, А.И.* Двусмысленность зримого (несколько замечаний о сновидениях в античной Греции) [Текст] / Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 2. М.: РГГУ, 2004
13. *Тайлор, Э.Б.* Первобытная культура [Текст]- Издательство политической литературы; Москва; 1989
14. *Фрезер, Д.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии [Текст]- М. Политиздат, 1980.